

КРИМИНАЛЬНОЕ
— ЧТИВО —
И НЕ ТОЛЬКО

Susan Glaspell

СЬЮЗЕН ГЛАСПЕЛЛ

1876–1948

Перевод и вступление
Александры Скворцовой

Сьюзен Гласпелл, лауреат Пулитцеровской премии, автор девяти романов и четырнадцати пьес, родилась в 1876 году в Давенпорте, штат Айова, в семье, которая гордилась своими предками с “Мэйфлауэра”, но едва сводила концы с концами. Ее дед потратил все состояние на выведение новых сортов растений и сошел с ума, а попытки отца заняться торговлей были неудачными. Сьюзен стеснялась звать школьных подруг в дом, где не было даже воды и канализации.

Денег на колледж в семье не было, и после школы Сьюзен начала вести женскую колонку в местной газете, но о “ценностях домашнего очага” она писала с сарказмом: ей были ближе репортажи о собраниях “Дочерей революции” и обсуждения роли женщины в истории.

Рассказ был впервые напечатан 15 марта 1917 года в “Еженедельной газете”.

A JURY OF HER PEERS

Скопив денег на обучение, Сьюзен переехала в Де-Мойн (штат Айова) и поступила на третий курс университета, где изучала философию и писала рассказы в студенческом журнале. Окончив университет, стала штатным судебным репортером “Де-Мойн дейли ньюс”.

Но уже через несколько лет Гласпелл возвращается в Давенпорт, чтобы посвятить себя литературе. Один из ее рассказов получает премию в 500 долларов, а журналы соревнуются за право ее напечатать.

Литературный успех сближает ее с интеллектуальной элитой Давенпорта, где она знакомится с поэтом и драматургом Джорджем К. Куком, дважды разведенным отцом двоих детей, бросившим преподавание в университете ради фермерства, и в 1913 году выходит за него замуж. Молодожены переезжают в Нью-Йорк, где знакомятся с Юджином О’Нилом и летом 1916 года вместе основывают театр в Провинстауне (Кейп-Код).

Осенью их театр “Провинстаун плейерс” переехал в Нью-Йорк, и за шесть лет его существования там прошли премьеры 11 пьес Сьюзен Гласпелл наряду с пьесами О’Нила и других драматургов. Новаторство Гласпелл и О’Нила, “отца и матери современного американского театра”, было в расширении привычных рамок театра и экспериментах с формой и содержанием пьес.

Разногласия в театре привели к его закрытию, и супруги уехали в Грецию в поисках уединения. Вскоре Джордж умер, и Сьюзен вернулась в Америку, где написала два самых известных романа — “Брук Эванс” (*Brook Evans*, 1928), который экранизировали в Голливуде, и “Возращение беглянки” (*Fugitive’s Return*, 1929). В 1931 году Сьюзен получила Пулитцеровскую премию за пьесу “Дом Элисон” (*Alison’s House*). Хотя она не прекращала писать до самой смерти в 1948 году, ее поздние романы не получили широкого признания. Лишь через несколько десятилетий феминистская литературная критика вновь обратила внимание на ее творчество.

Для читателя конца XX века пьесы и проза Гласпелл — это прежде всего истории конфликта женщин с патриархальным обществом, истории женской дружбы, солидарности и социальной эмансипации.

Все эти темы находят отражение в рассказе “Суд равных”, написанном по мотивам ее первой пьесы “Пустяки” (*Trifles*, 1916). В основе сюжета — репортажи Сью-

Every Week, 1917

СЬЮЗЕН ГЛАСПЕЛЛ

зен о деле Маргарет Хоссак, которая стала главным подозреваемым в кровавом убийстве своего мужа: уважаемый всеми фермер, отец троих детей, был найден мертвым у себя в постели с раскроенным черепом. Маргарет, спавшая рядом, не признала своей вины и лишь сообщила следователю, что ничего не слышала, так как “очень крепко спит”.

Все улики указывали на нее, только мотив оставался загадкой для всех. Однако вскоре в “Де-Мойн дейли ньюс” обнародовали слухи о том, что в семье Хоссак все было не так уж ладно. Знакомые Хоссаков признались, что Джон часто бывал вспыльчив и угрожал жене, которая боялась его как огня и не раз прибегала к соседям с отчаянными просьбами защитить ее и детей.

Из показаний свидетелей становится ясно, что долгое время все знали о насилии в семье Хоссак, однако не считали нужным вмешаться. “Вот где преступление! Кто за него накажет?” — спрашивает героиня рассказа Гласпелл, перекладывая часть вины за случившееся на равнодушное общество. Окончательный вердикт по делу Маргарет Хоссак так и не был вынесен. Финал рассказа Гласпелл тоже оставляет больше вопросов, чем ответов.

СЬЮЗЕН ГЛАСПЕЛЛ

СУД РАВНЫХ

Едва Марта Хейл открыла наружную дверь, как порыв северного ветра ударил ей в лицо, и она поспешно вернулась за теплым шерстяным шарфом. Второпях обматывая его вокруг шеи, она с досадой окинула взглядом кухню. Повод выйти из дома был незаурядный — возможно, ничего столь незаурядного в округе Диксон еще никогда не происходило. Однако

все уже почти готово, чтобы замесить хлеб, и мука уже наполовину просеяна — не оставлять же кухню в таком виде!

Она ненавидела недоделанные дела, но сегодня, пока она хлопотала по хозяйству, из города приехали за мистером Хейлом, и шериф*, на ходу заглядывая в кухню, сказал, что его жена просит миссис Хейл присоеди-

* См. глоссарий (8).

ниться к ним. Он добавил с ухмылкой, что его благоверная расперевивалась и хочет женской компании, и миссис Хейл бросила все как было.

— Марта! — слышался нетерпеливый голос ее мужа. — Не заставляй людей ждать на холоде!

Она выбежала на улицу и наконец села в просторную повозку, где ее ждали трое мужчин и женщина.

Хорошенько укрывшись меховой полостью, миссис Хейл взглянула на свою соседку на заднем сиденье. Она познакомилась с миссис Питерс год назад на окружной ярмарке, и ей запомнилось, что на жену шерифа эта невысокая, худая женщина с тихим голосом совсем не была похожа. Вот супруга мистера Гормана, предшественника мистера Питерса, обладала голосом, который, казалось, придавал каждому ее слову силу закона. Но если миссис Питерс и не походила на жену шерифа, то уж мистер Питерс своим видом с избытком это компенсировал. Казалось, он был создан для того, чтобы его выбрали шерифом. Этот дородный мужчина с зычным голосом был чрезвычайно любезен с законопослушными гражданами, намекая, что всегда сумеет отличить преступника от приличного человека. Миссис Хейл содрогнулась при мысли, что этот всегда предупредительный и жизнерадостный человек направляется сейчас к Райтам в качестве шерифа.

— Сельская местность не особенно радуется в это время года, — осмелилась начать миссис Питерс, очевидно, считая своим долгом последовать примеру мужчин и завести разговор со своей соседкой.

Едва миссис Хейл успела ответить, как они въехали на холм и показался дом Райтов, при виде которого ей расхотелось разговаривать. Этим холодным мартовским утром он выглядел совсем уныло. Впрочем, это вообще было унылое место. Дом стоял в лощине, и унылыми казались даже окружавшие его тополя. Взгляды мужчин, обсуждавших случившееся, тоже были обращены к нему. Окружной прокурор высунулся из повозки и пристально рассматривал дом.

— Я рада, что вы поехали со мной, — боязливо пробормотала миссис Питерс, направившись вслед за мужчинами к задней двери.

Поднявшись на крыльцо и взявшись за дверную ручку, Марта Хейл не сразу заставила себя переступить порог. Она потому не могла переступить его сейчас, что ни разу не переступала его прежде. Сколько раз она твердила себе: “Надо бы проведать Минни Фостер”, — для нее она все еще была Минни Фостер, хотя уже двадцать лет как сделалась миссис Райт. Но всякий раз находилось какое-то неотложное дело, и она забывала про Минни Фостер. И вот она наконец-то здесь.

Мужчины прошли к печи, а женщины жались у самой двери. Молодой окружной прокурор Хендерсон обернулся и сказал:

— Дамы, проходите, погрейтесь.

Миссис Питерс сделала шаг и сразу остановилась.

— Мне... мне не холодно, — сказала она.

И обе женщины так и остались стоять у двери, поначалу даже не решаясь оглядеть кухню.

Мужчины отметили, как предусмотрительно шериф отправил своего помощника заранее развести для них огонь. Затем шериф Питерс отошел от печи, расстегнул пальто и оперся о кухонный стол, показывая, что пора переходить к делу.

— А теперь, мистер Хейл, — произнес он полуофициальным тоном, — пока мы не начали обыск, расскажите мистеру Хендерсону, что вы увидели, когда пришли сюда вчера утром.

Окружной прокурор осматривал кухню.

— Кстати, здесь ничего не трогали? — спросил он и обернулся к шерифу. — Все на прежних местах?

Мистер Питерс перевел взгляд с буфета на умывальник, а с него на обветшалое кресло, придвинутое к обеденному столу.

— Все так же.

— Надо было вчера здесь кого-то оставить, — сказал окружной прокурор.

— Какое там! — отозвался шериф, всем своим видом показывая, что думать о вчерашнем дне выше его сил. — Вчера мне пришлось послать Фрэнка в Моррис-центр, там человек сошел с ума, так что дел у меня, знаете ли, было невпроворот. Я знал, что вы сегодня вернетесь из Омахи, Джордж, и поскольку я вчера здесь сам все осмотрел...

— Ну ладно, — сказал прокурор, давая понять, что вопрос исчерпан. — Мистер Хейл, расскажите, что случилось, когда вы вошли сюда вчера утром.

Миссис Хейл стояла все там же, прислонившись к двери. Ее охватило тревожное чувство, какое бывает у матери, чей ребенок вот-вот начнет

рассказывать стихотворение. Льюису было свойственно путаться и терять нить повествования. Она надеялась, что он изложит все точно и просто и не скажет ничего, что могло бы навредить Минни Фостер. Он замялся, и она отметила, что вид у него странный — казалось, ему чуть ли не дурно от того, что приходится стоять посреди этой кухни и рассказывать про вчерашнее утро.

— Так что же, мистер Хейл? — напомнил о себе прокурор.

— Мы с Гарри собирались отвезти в город картошку, — начал муж миссис Хейл.

Гарри был их старший сын. Он не поехал с ними к Райтам по той простой причине, что вчера картошку так и не удалось отвезти, и он отправился утром в город. Поэтому его и не было дома, когда шериф заехал за мистером Хейлом, чтобы тот все показал и рассказал окружному прокурору. К прочим переживаниям миссис Хейл теперь прибавилось беспокойство о том, тепло ли одет Гарри: никто из них не ожидал такого пронизывающего северного ветра.

— Мы ехали по дороге, — продолжал Хейл, указывая рукой туда, откуда они только что прибыли. — Показался дом Райтов, и я сказал Гарри: “Зайду к Джону, авось столкнемся насчет телефона”. Понимаете, — объяснял он Хендерсону, — телефонная линия стоит дорого. Мне одному не потянуть, разве только в складчину. У меня однажды уже был разговор с Райтом на эту тему, но он от меня отмахнулся, заявив, что люди и так болтают без умолку и что ему ничего не надо, кроме тишины и покоя, — сами знаете,

какой из него болтун. А что, если, подумал я, поговорить с ним при жене: мол, женский пол любит все эти телефоны, и в нашем захолустье это может быть очень кстати? Я так Гарри и сказал: зайду, мол, поговорю, — хотя не очень-то Райт считается с женой...

Ну вот пожалуйста! Говорит то, чего не следует. Миссис Хейл попыталась перехватить взгляд мужа, но, к счастью, вмешался прокурор:

— Поговорим об этом позже, мистер Хейл. А теперь давайте ближе к делу. Что произошло, когда вы сюда вошли?

На этот раз Хейл начал свой рассказ вдумчиво и осмотрительно.

— В доме было тихо. Я постучал в дверь. Никто не ответил. Я знал, что в начале девятого они давно должны быть на ногах. Тогда я постучал еще раз, погромче, и мне послышалось, что кто-то сказал: “Входите!” Может, мне показалось, я и сейчас точно не скажу. Я открыл дверь, вот эту, — он махнул рукой в сторону двери, у которой стояли женщины, — и тут, в этом кресле, — показал он, — сидела миссис Райт.

Все посмотрели на кресло-качалку. Миссис Хейл подумалось, что такого кресла не могло быть у Минни Фостер — той Минни Фостер, которую она знала двадцать лет назад. Полинявшая красная обивка, одна деревянная перекладина на спинке выпала, а сиденье продавлено.

— И как она выглядела? — осведомился прокурор.

— Ну, — ответил Хейл, — она выглядела странно.

— Что значит странно?

С этими словами прокурор достал блокнот и карандаш. Этот карандаш

миссис Хейл не понравился. Она пристально смотрела на мужа, как будто стараясь удержать его от необдуманных слов, которые могли попасть в блокнот и навредить Минни Фостер.

Хейл заговорил еще осторожнее, словно карандаш в руках прокурора подействовал и на него.

— Она как будто не знала, что делать дальше. Вид у нее был замученный.

— И как она отреагировала на ваш приход?

— Да никак, она и внимания не обратила. Я спросил: “Как поживаете, миссис Райт? Холодно нынче, да?” — “Разве?” — а сама теревит передник. В общем, я удивился. Ни присесть не предложила, ни погреться — все сидит и сидит в кресле и даже не смотрит на меня. Тогда я говорю: “Я к Джону”. И тут она рассмеялась. Если это можно было назвать смехом. Я вспомнил, что Гарри ждет меня на улице в повозке, и сказал немного резко: “Так можно мне поговорить с Джоном?” “Нет”, — говорит она как-то отрешенно. “Его что, дома нет?” — спрашиваю. И тут она на меня посмотрела. “Отчего же, — говорит, — он дома”. “Так почему с ним поговорить-то нельзя?” — спросил я, потеряв уже всякое терпение. “Потому что он мертвый”, — говорит она равнодушно и все передник теревит. “Мертвый?” — я ушам своим не поверил. Она спокойно так кивнула, и даже глазом не моргнет, только покачивается в кресле. Я совсем растерялся. “Где же он?” — говорю. Она лишь указала наверх, вот так, — и он жестом показал на второй этаж. — Я решил сам туда сходить и встал. Я уже не очень понемал, что делать. Вот досюда дошел

и спрашиваю: “От чего же он умер?” “От веревки на шею”, — говорит она и все передник теревит.

Хейл прервал свой рассказ и посмотрел на кресло-качалку, словно все еще видел женщину, сидевшую там прошлым утром. Все молчали, как будто им тоже привиделась женщина, сидевшая в кресле прошлым утром.

— Что же вы сделали потом? — прервал всеобщее оцепенение окружной прокурор.

— Я вышел и позвал Гарри. Подумал, что может понадобится помощь. Мы с ним поднялись наверх. — Он перешел почти на шепот. — Там он и лежал на...

— Думаю, нам лучше услышать эти подробности наверху, — перебил его окружной прокурор. — Там вы сможете нам все показать. А пока расскажите, что было дальше.

— Ну, сперва я подумал: надо снять веревку с шеи. Зрелище было... — Он вздрогнул и осекся. — Но тут Гарри подошел и говорит: “Нет, он уже мертвый, лучше ничего не трогать”, — и мы спустились вниз. Она все так же сидела на прежнем месте. “Кто-нибудь уже знает?” “Нет”, — сказала она безразлично. “Кто это сделал, миссис Райт?” — спросил Гарри — так деловито, что она прекратила теревить передник. “Не знаю”, — ответила она. “Не знаете? — переспросил Гарри. — Вы же спали с ним на одной кровати?” “Спала, но с другого края”. — “Кто-то накинул ему веревку на шею и задушил его, а вы даже не проснулись?” “Не проснулась, — повторила она. Наверное, по нам было видно, что мы не можем в это поверить, и тогда она добавила: — Я крепко сплю”. Гарри

хотел еще ее о чем-то спросить, но я сказал, что, наверное, это не наше дело и лучше пусть она все расскажет коронеру или шерифу. Тогда Гарри помчался в Хай-Роуд, к Риверам, где был телефон.

— И что она сделала, узнав, что вы отправились за коронером? — Прокурор держал карандаш наготове.

— Она пересела из кресла вон на тот стул, — Хейл показал на небольшой стул в углу, — руки сложила и смотрит в пол. Надо было о чем-то говорить, и я сказал, что зашел к Джону спросить про телефон, а она расхохоталась, потом вдруг остановилась — и тарашит-ся испуганно на меня.

Услышав шорох карандаша по бумаге, рассказчик поднял глаза.

— Да кто ее поймет — может, и не испуганно, — торопливо добавил он. — Не знаю, как и сказать. Тут Гарри подоспел, а с ним и доктор Ллойд и вы, мистер Питерс. Кажется, все, дальше вы и сами знаете.

Последние слова он произнес с явным облегчением и даже как-то обмяк, словно успокаиваясь. Все зашевелились. Окружной прокурор подошел к двери на лестницу.

— Давайте пройдем сначала наверх, потом осмотрим двор и сарай.

Он остановился и оглядел кухню.

— Вы уверены, что здесь нет ничего важного для нас? — спросил он шерифа. — Ничего, что бы указало на мотив?

Шериф тоже огляделся, чтобы лишний раз убедиться самому.

— Здесь нет ничего, кроме кухонной утвари. — Он усмехнулся, давая понять, что подобные пустяки не стоят его внимания.

Прокурор смотрел на нелепую громоздкую конструкцию, верх которой представлял собой стенной шкаф, а низ — старомодный кухонный буфет. Несуразность этого сооружения настолько заворожила его, что он подставил стул, открыл верхние дверцы, пошарил внутри и нащупал что-то липкое. Он отдернул руку и проговорил с досадой: “Ну и бардак!”

Женщины подошли ближе, и жена шерифа проговорила: “О боже, ее варенье!”, — взглядом ища поддержки у миссис Хейл. Обернувшись к прокурору, она объяснила:

— Миссис Райт так переживала вчера, когда вдруг похолодало. Боялась, что огонь потухнет и банки могут лопнуть.

Муж миссис Питерс расхохотался.

— Да уж, этих женщин ничем не проймешь! Ее за убийство арестовали, а она о банках думает!

Молодой прокурор поджал губы.

— Полагаю, мы скоро предоставим ей более серьезный повод для беспокойства, чем ее банки.

— Что поделать, — снисходительно отозвался муж миссис Хейл, — женщины вечно беспокоятся по пустякам.

Женщины молча придвинулись еще ближе друг к другу. А окружной прокурор, по-видимому, внезапно вспомнил о хороших манерах и задумался о собственном политическом будущем.

— И все же, — произнес он с галантностью, — что бы мы делали без наших дам, пусть даже они и беспокоятся о всяких мелочах?

Женщины напряженно молчали. Прокурор прошел к умывальнику, чтобы помыть руки. Потом повернул-

ся к полотенцу на ролике и стал крутить его в поисках места почище.

— Грязные полотенца! Не слишком-то хозяйственна миссис Райт, так ведь, дамы?

Он небрежно пнул ногой грязные кастрюли, стоявшие под умывальником.

— На ферме всегда хватает работы, — сухо ответила миссис Хейл.

— Разумеется. Однако мне доводилось бывать в таких фермерских домах в графстве Диксон, — сказал он с легким поклоном в ее сторону, — где полотенца выглядят иначе.

И он демонстративно прокрутил ролик еще раз.

— Эти полотенца так быстро пачкаются! Руки у мужчин не всегда такие чистые, как хотелось бы.

— Понимаю, женская солидарность, — рассмеялся он. Потом замолчал и внимательно посмотрел на нее.

— Кажется, вы были с миссис Райт не только соседками, но и подругами.

Марта Хейл покачала головой.

— Я редко ее видела в последнее время. В этом доме я не бывала... не виделась с ней больше года.

— Отчего же? Вы недолго любили ее?

— Наоборот, она мне нравилась, — горячо возразила она. — У жен фермеров дел невпроворот, мистер Хендерсон. И к тому же... — Она оглядела кухню.

— Что к тому же?

— Здесь такое мрачное место, — сказала она больше самой себе, чем ему.

— Да, — согласился он, — думаю, любой счел бы его мрачным. И ее домовитой хозяйкой не назовешь.

— Да и Райт был не подарок, — проворчала она.

СУД РАВНЫХ

— Хотите сказать, они не очень ладили? — тут же спросил он.

— Я ничего не хочу сказать, — решительно ответила она. И, отвернувшись, добавила: — Как по мне, мрачным станет любое место, где поселится Джон Райт.

— Давайте об этом позже, миссис Хейл, — сказал он, — а сейчас мне надо осмотреть второй этаж.

Он направился к двери, ведущей на лестницу, а вслед за ним и остальные мужчины.

— Полагаю, вы разрешите миссис Питерс захватить хотя бы пару вещей для миссис Райт? — сказал шериф. — Мы вчера собирались в такой спешке.

Прокурор бросил взгляд на женщин, оставшихся наедине с кухонной утварью.

— Миссис Питерс — разрешу, — сказал он, глядя не на миссис Питерс, а на жену фермера, стоявшую за ее спиной. — Миссис Питерс — одна из нас, — сказал он, подчеркивая оказываемое ей доверие. — Смотрите во все глаза, миссис Питерс, вдруг заметите что-нибудь важное. Никогда не знаешь: вдруг вы, женщины, ненароком наткнетесь на улику, которая приведет нас к мотиву преступления?

Мистер Хейл потер лицо, словно конферансье, который собирается пошутить.

— Но распознают ли женщины улику, если наткнутся на нее? — И с этими словами он последовал за остальными на лестницу.

Женщины стояли молча и неподвижно, прислушиваясь к звуку шагов — сначала на лестнице, а затем в комнате наверху. Словно пытаясь выйти из оцепенения, миссис Хейл

начала расставлять под умывальником грязные кастрюли, которые презрительно отпихнул ногой окружной прокурор.

— Я бы не потерпела мужчин у себя на кухне, — произнесла она раздраженно. — Не переносу, когда суют нос в чужие дела и критикуют.

— Они всего лишь исполняли свой долг, — робко, как и всегда, отозвалась жена шерифа.

— Долг долгом, — резко сказала миссис Хейл, — но думаю, что помощник шерифа, которого отправили растопить печь, тоже вытирал руки этим полотенцем. — Она прокрутила ролик. — Почему мне только сейчас пришло это в голову! Как подло упрекать ее в том, что она не прибралась на кухне, когда она собиралась в такой спешке!

Она огляделась. И правда не прибрано. Ее взгляд остановился на кадке с сахаром на нижней полке. Деревянная крышка была снята, а рядом стоял наполовину полный бумажный пакет.

Миссис Хейл подошла ближе и пробормотала себе под нос: “Она пересыпала его сюда”. Жена фермера вспомнила о своей муке, оставленной на кухне — наполовину просеянной, наполовину нет. Ей помешали, вот и пришлось бросить работу на кухне. Что же помешало Минни Фостер? Почему она бросила свою работу? Миссис Хейл потянулась было к кадке, чтобы пересыпать оставшийся сахар — ее раздражали недоделанные дела. Но, оглянувшись, она увидела, что миссис Питерс наблюдает за ней, а ей вовсе не хотелось, чтобы у миссис Питерс тоже возникло ощущение,

что работа была начата и по какой-то причине внезапно брошена.

— Как жалко варенье! — Она подошла к буфету, который открыл прокурор, встала на стул и пробормотала: — Неужели все пропало?

Зрелище было довольно печальным. Но наконец она воскликнула: “Вот, одна целая!” Осмотрев банку на свету, она определила: “Да это вишня”. Она еще поискала в буфете. “Нет, эта — единственная”.

Миссис Хейл со вздохом слезла со стула и подошла к умывальнику, чтобы протереть банку.

— Она ужасно расстроится: столько тяжелой работы на жару впустую! Помню, какое было пекло этим летом, когда я сама закрывала вишню.

Она поставила банку на стол и, снова вздохнув, собралась сесть в кресло-качалку, но почему-то не смогла. Что-то помешало ей сесть. Что-то остановило ее. Она выпрямилась и замерла вполборота, глядя на кресло и представляя себе женщину, которая сидит там “и все передник тербит”.

— Мне нужно взять вещи из шкафа в гостиной. — Тонкий голос жены шерифа вывел ее из оцепенения. Приоткрыв дверь в соседнюю комнату, миссис Питерс в нерешительности замерла на пороге.

— Пойдемте со мной, миссис Хейл, — попросила она тревожно. — Пойдемте, вы могли бы... вы могли бы помочь мне взять вещи.

Они вскоре вернулись — в промозглой запертой комнате задерживаться не хотелось. “Ну и холод!” — воскликнула миссис Питерс, бросив вещи на стол и поспешив к огню.

Миссис Хейл рассматривала одежду, которую попросила принести арестованная.

— Скрыга был этот Райт! — воскликнула она, держа в руках поношенную черную юбку, которую не раз перешили. — Может, она поэтому так сторонилась людей. Чувствовала, наверное, что не справляется с хозяйством, да и трудно радоваться жизни, когда ходишь в обносках. Раньше она красиво одевалась и была очень веселой — когда еще звалась Минни Фостер, жила в городе и пела в хоре. Да только с тех пор прошло уже двадцать лет.

Заботливо и, казалось, даже с некоторой нежностью миссис Хейл сложила поношенную одежду в стопку на краю стола. Встретив взгляд миссис Питерс, она почувствовала раздражение. “А ведь ей все равно, — подумала про себя миссис Хейл. — Ей неважно, носила ли юная Минни Фостер красивые платья”.

Правда, взглянув еще раз на миссис Питерс, она уже не была так уверена; вообще, про миссис Питерс трудно было что-то сказать наверняка. Она была застенчива, но взгляд ее, казалось, проникал в глубинную суть вещей.

— Это все, что вам нужно взять? — спросила миссис Хейл.

— Нет, она хотела еще передник. Странная просьба, — боязливо заметила жена шерифа, — ибо Бог свидетель, в тюрьме едва ли можно испачкаться. Может, ей просто хочется чего-то знакомого. Привыкла носить передник. Она велела посмотреть в нижнем ящике комода. А, вот и он! Еще она просила платок, который всегда висит за дверью.